

ПАНСИОН ГОСПОДИНА ДЕ МАКЕ В САМАРЕ

ри создании своих трудов П.В. Алабин встретил серьезные затруднения в описании «темных времен истории умственного развития Самары», как он называл 1820-1830-е годы из-за недостатка «материалов для разработки этого вопроса». Все же из редких письменных источников и со слов старожилов он увидел «весьма понятные затруднения, какие в то время встречали родители, желавшие дать своим детям хоть какое-нибудь образование»¹.

На страницах «Самарского земского сборника» уже удалось пролить свет на эти «темные времена» в отношении первой казенной общеобразовательной школы в Самаре XIX века – уездного училища². В данной же статье представлен материал по одному из первых частных учебных заведений города. О таких заведениях в догубернской Самаре Алабин смог сообщить только то, что «устраивался, было, в 1820-х годах пансион в Самаре какими-то мадамами», который так и «не состоялся»³. Этот пансион был рассчитан, якобы, на девочек. Ну, а о том, «чтобы в Самаре существовали в прежнее время частные заведения, в которых учили бы мальчиков», Алабину вообще было, по собственному признанию, ничего не известно⁴.

На следующий год после выхода в свет краеведческого историко-статистического очерка П.В. Алабина «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» (1876), который цитировался выше, в журнале «Русский Архив» появились воспоминания известного в литературных и научных кругах самарского уроженца Николая Ивановича Второва [9(21).09.1818, Самара – 1(13).12.1865, Петербург]. В них шла речь о реально существовавшем частном пансионе конца 1820-х – начала 1930-х гг., который был в Самаре заведен не безымянными «мадамами», а, наоборот, «месье» де Маке как для девочек, так и для мальчиков⁵.

Свидетельство Н.И. Второва Алабин оставил без внимания, исправлений и дополнений по вопросу о частных школах в Самаре в последующих своих работах не сделал. Другие историки и краеведы, писавшие о прошлом народного образования в нашем крае, тоже проходили мимо этих сведений.

Между тем, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся личный дневник, который Н.И. Второв вел, будучи еще ребенком, и ученический дневник – «журнал» его занятий у де Маке. Кроме того, все эти сведения были дополнены находками среди документов Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан в Казани, что позволило сопоставить и проверить собранные по данной теме материалы. В нашем исследовании также были использованы опубликованные законодательные акты.

* © Артамонова Л.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории отечества Самарской государственной академии культуры и искусств, 2011

5 августа 1827 г. директор училищ Симбирской губернии А. Гапонов прислал в Училищный комитет Казанского университета сообщение следующего содержания. По возвращении с лечения на Сергиевских Минеральных водах штатный смотритель Самарского уездного училища Василий Онуфриевич Барщевский узнал, что в город прибыл некий господин де Маке, решивший обучать здешних детей, который «не предъявил местному начальству учебных заведений никаких о себе актов». Смотритель потребовал приезжего учителя к себе, «чтобы узнать, имеет ли он свидетельство на право домашнего обучения детей». Де Маке в течение пяти дней не явился, поэтому смотритель «в обязанность себе поставил отнестись к г. самарскому городничему» и просил того «объявить чрез полицию иностранцу де Маке явиться к нему с представлением всех актов», требуемых от организатора частной школы «без малейшего промедления»⁶.

Городничий, которому было передано отношение штатного смотрителя посланным от него учеником 2-го класса, «приняв от сего то отношение со гневом и не расписавши в получении оногo в разносной тетради, бросил ему оную». При этом он сказал школьнику: «Твой смотритель с ума сошел; беспокоит меня не вовремя». Барщевский, «приняв слова городничего Соколовского за оскорбление себя и не видя сверх того на свое к нему отношение должного исполнения», посчитал «таковой поступок г. городничего к совершенному невниманию его к званию смотрителя училищ». Он просил директора Симбирских училищ оказать «защиту в таком случае, который подверг его оскорблению при выполнении долга службы»⁷.

У директора училищ губернии не было реальных возможностей «давать нужную защиту в оскорблении должности и чести своих подчиненных», поэтому Гапонов обратился за поддержкой к руководству университета⁸. Он просил принять меры, чтобы законные просьбы руководителей школ другими чиновниками «принимаемы были с должным уважением и законные требования их выполняемы были неотложно»⁹.

После произошедшего скандала де Маке все же предъявил В.О. Барщевскому официальное свидетельство о том, что он может обучать французскому языку. Однако других требуемых по закону документов, «как-то: о крещении, исторической записки о роде, воспитании, времени выезда его в Россию, равно как на том, принял ли присягу на подданство российскому Престолу», представлено не было¹⁰.

Барщевскому не понравилось «и то, что де Маке русского языка по правилам Грамматики не знает, кроме свободного, впрочем, неправильного объяснения на оном». Это замечание, правда, не влекло за собой последствий, а вот непредъявленные документы Гапонов велел с иностранца получить, а пока объявить тому, «чтобы он до получения от императорского Казанского университета разрешения не осмеливался ни заводить пансион, ни обучать детей частно, ни принимать к себе учителями людей, не имеющих от училищного начальства на то позволения». Француз дал расписку в получении этого предписания и о его обязательном исполнении, но заявил, что других документов, кроме свидетельства от московской гимназии, не имеет¹¹.

Упомянутое свидетельство следует привести полностью, поскольку оно содержит важные сведения о прибывшем в Самару учителе: «Объявитель сего, французский дворянин Жан Баптист де Маке, на основании Устава учебных заведений, Высочайше утвержденного в 5-й день ноября 1804 года, просил, дабы дано ему было на обучение юношества французскому языку надлежащее свидетельство, а как, по учиненному ему в Московской Губернской Гимназии испытанию, оказалось, что он может обучать разговору, чтению и письму на означенном языке: для того, на основании помянутого Устава, с дозволения Училищного Комитета, учрежденного при Императорском Московском Университете, и дано ему в том сие свидетельство, за подписанием Директора Училищ Московской Губернии и Учителей, и за печатью означенной Гимназии. В Москве, февраля 7 дня 1810 года»¹².

На том же свидетельстве имелась приписка, сделанная в Московском губернском правлении 7 февраля 1810 г., «в том, что значащийся в оном французский дворянин Жан Баптист де Маке может с оным свободно проживать в России» за подписью камер-юнкера Дмитриева-Мамонова. Из еще одной приписки, подписанной 25 ноября 1815 г. квартальным надзирателем, явствовало, что де Маке проживал в одном из домов 3 квартала Тверской части г. Москвы¹³. Позднее также выяснилось, что де Маке принял российское подданство «в 1806 году в городе Риге»¹⁴.

Де Маке, поселившийся в Самаре в собственном купленном доме, подлинник документа отдать Барщевскому отказался, заявив, что этот документ нужен для поездки в Казань¹⁵. Смотритель удовлетворился снятием копии.

9 сентября Барщевский подал еще одно доношение директору Гапонову о том, что де Маке отъехал в Казань, но его жена продолжает заниматься с детьми «мужского и женского пола» французским языком¹⁶. При этом набирали супруги на учебу только дворянских детей¹⁷. Последнее обстоятельство, видимо, объясняет независимое поведение учителя по отношению к Барщевскому, да и нежелание городничего вмешиваться в этот конфликт. За французом стояли родители учеников, пользовавшиеся влиянием в Самаре.

Так, на сторону де Маке встал Аристарх Азарьевич Путилов (1794-1856), который тогда являлся почетным смотрителем Самарского уездного училища, на чьи деньги оно было построено и в значительной мере содержалось. Он обратился в правление Казанского университета: «Некоторые из гг. дворян, видевши на опыте успехи в нравственности и науках учеников французского дворянина подданного России Жана Баптиста де Маке, изъявили мне свое желание препоручить ему своих детей». А.А. Путилов, «будучи убежден общим их выбором» в пользу де Маке, просил «о исходатайствовании ему позволения обучать юношество»¹⁸.

Бузулукская помещица Неплюева заявила, что наняла француза в качестве домашнего учителя для своих девочек, а остальные дети, приходящие к нему – ее родственники, которым она разрешила посещать занятия. Барщевскому ничего не стоило разоблачить эти нехитрые уловки, поскольку у Неплюевой в Самаре не было никакой недвижимости, а потому француз

никак не мог служить в ее доме, а, наоборот, держал ее дочек в своем¹⁹.

Де Маке считал себя очень обязанным Неплюевой. Даже дав расписку об отказе от проведения занятий, пока не получено будет окончательное разрешение, он сделал в ней приписку, что «девицы Неплюевы останутся у меня до решения – заниматься рукоделием»²⁰. Конечно, это была неправда, не за тем Неплюева отпустила дочек в другой город на попечение чужим людям, чтобы брать уроки шитья или вязания. Однако интересно то, что Барщевский, который остро реагировал на каждую неправду со стороны де Маке или даже при подозрении на такую неправду, не стал жаловаться, что барышни Неплюевы остались жить и учиться в доме у де Маке после получения тем запрещения занятий в пансионе. Авторитет семьи потомков последнего руководителя Оренбургской комиссии и первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева в заволжском крае был очень высок, а потому штатному смотрителю не с руки было затевать с ними ссору.

Самара находилась до 1851 г. в составе Симбирской губернии. Однако у местного дворянства и чиновничества были самые тесные (семейные, служебные и деловые) связи с представителями тех же социальных слоев Оренбургской губернии, особенно проживавших в ближайших к Самаре уездах: Бузулукском и Бугурусланском. Именно там проходила учительская деятельность де Маке до его переезда в Самару и завязывались его отношения с влиятельными степными землевладельцами, включая Неплюеву. Когда в 1822 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий потребовал проверить документы на право ведения занятий у домашних учителей – иностранцев, то основатель и надзиратель Бугурусланского приходского училища священник Иоанн Милордов при обходе домов помещиков своего уезда, чьи дети брали уроки у частных преподавателей, встретился с де Маке. Тот жил в качестве учителя в доме подпоручика Нагаткина и предъявил известный нам аттестат от Московской губернской гимназии. Этот документ избавил француза от неприятностей, которые претерпели другие учителя, не имевшие соответствующих документов и выявленные Милордовым. Последний, правда, обнаружил в аттестате кляксу на том месте, где должно было быть написано, что де Маке может обучать «одному чтению и письму», но начальство на эту деталь внимания обращать не стало²¹.

Тем временем Совет Казанского университета 3 октября принял решение «дать знать чрез Училищный Комитет штатному смотрителю Самарского уездного Училища, чтобы он запрещал де Маке собирать в дом свой детей», поскольку тот «имеет свидетельство от Московской Губернской гимназии на право обучать только начальным правилам французского языка»²². Это не дает ему оснований преподавать другие предметы школьного курса.

В то самое время, когда Барщевский вроде бы уверился в поддержке его позиции университетским начальством, он получил письмо Николая Ивановича Лобачевского (1793-1856). Великий математик, являвшийся тогда ректором Казанского университета, лично попросил самарского штатного смотрителя оказать де Маке «доброе расположение»²³.

Барщевский в ответном письме Лобачевскому еще раз изложил свою по-

зицию по данному вопросу. Не без обиды, хотя не изменяя тону обращения лица подчиненного к вышестоящему начальству, штатный смотритель пообещал, что раз француз по приезде в Казань был удостоен «благодарным» приемом со стороны ректора²⁴, то и он, Барщевский, больше ничего не будет иметь «супротив г. де Маке после письма Вашего. Пускай себе набирает и обучает, кого хочет»²⁵.

За последнюю фразу он вскоре получил выговор от имени Лобачевского: «Разве подозревает г. Ректора в незаконном или пристрастном покровительстве иностранцу де Маке, тогда, как господин Ректор, по долгу начальника, советовал ему оказывать де Маке доброе расположение и без личностей действовать так, как повелевают законы и Устав учебных заведений?»²⁶ Барщевскому было дано указание, «чтобы он впредь не обременял начальство свое пустыми частными переписками»²⁷.

Однако штатный смотритель, пусть и не в самой для себя приятной форме, добился главного. Лобачевский вынужден был дезавуировать собственную рекомендацию поддержать педагогическую практику де Маке и заявить, что эта просьба означала лишь предложение «не препятствовать ему обучать детей на домах» французскому языку. Ректор официально присоединился к мнению Совета и Училищного комитета университета о запрете де Маке «сбирать в дом свой детей для обучения, не испросив прежде от сего Комитета дозволения на заведение пансиона, также обучать предметам, на кои не дано ему права»²⁸.

К началу 1828 г. ситуация в отношениях Барщевского и де Маке изменилась. Компромисс состоял в следующем. Француз признал, что штатный смотритель чинил ему препятствия «на основании существующих законов»²⁹. Со своей стороны Барщевский поддержал желание того «поступить в государственную службу по Министерству народного просвещения в Самарское уездное училище учителем французского языка». Преподавание данного предмета в училище Самары было «дозволено г. Министром народного просвещения в 1825 году», но «без жалованья от казны» и «с добровольною платою от родителей, желающих обучать детей своих сему языку». Тогда начать настоящее обучение французскому языку не удалось из-за смерти учителя Мартинета³⁰.

После неперемных в российской бюрократической традиции многомесячных согласований 12 января 1829 г. было получено разрешение Министерства народного просвещения, «чтобы вступивший в подданство России иностранец де Маке, согласно желанию Самарского благородного общества, определен был учителем французского языка в Самарское уездное училище»³¹. Теперь он становился служащим училищного ведомства и получал те же возможности, что и другие учителя государственных школ, включая право содержать пансионеров у себя в доме или на квартире. Взамен педагоги уездного училища стали вести занятия для учеников де Маке по тем предметам, по которым он не имел права заниматься с детьми сам. Соглашение, к которому в итоге пришли Барщевский и де Маке, а в их лице ведомство народного просвещения и местное общество, оказалось

выгодно всем:

1) Де Маке теперь беспрепятственно давал уроки не в индивидуальных занятиях, а в классах. Это увеличило доходы, которые приросли еще и потому, что родители платили ему и жене за содержание детей, говоря современным языком, «в группе продленного дня» и за дополнительную «воспитательную» и «внеклассную» работу с ними.

2) Педагоги казенной школы теперь имели дополнительный заработок. Как указывал учитель А.И. Иванов, сверх основной службы в уездном училище он работал по договору у де Маке «для обучения детей, дабы тем приобрести пособие к более приличному содержанию себя и матери»³².

3) Ученики уездного училища при желании получали подготовку по французскому языку. Особенно это было выгодно тем из родителей, кто не мог оплатить услуги домашних учителей иностранного языка или отправить учиться ребенка в другой город. Исправляющий должность предводителя самарского дворянства уездный судья Племянников писал, что местные чиновники и помещики, имеющие детей, охотно приняли те условия, которые предложил по поводу своей оплаты де Маке, который, «есть ли не всегда, то, конечно, не на короткое уже время останется постоянным жителем города Самары и будет заниматься обучением детей их, кои, до приезда его в город, по небогатому состоянию своему, не имели к тому никаких учеб»³³.

4) Увеличилось число желающих поступить в уездное училище, где теперь можно было получить знание престижного языка. Это было на пользу делу народного просвещения в целом и в интересах штатного смотрителя этого училища Барщевского в частности.

5) Собственные пансионеры де Маке, не посещавшие публичную школу, тем не менее, получили возможность наряду со знаниями французского языка получить подготовку в объеме уездного училища, которая давала возможность мальчикам продолжить обучение в гимназии. Хотя отец молодого Второва сам принимал некоторое участие в организации Самарского уездного училища и находился в дружеских отношениях с его почетным смотрителем А.А. Путиловым, который, бывало, по три дня подряд приезжал в дом Второвых отобедать³⁴, вопрос об обучении сына в общеобразовательной школе даже не поднимал. Для целой группы состоятельных чиновников и «соседственных помещиков», несмотря на открытие уездного училища, которое многие называли «народным», в Самаре по-прежнему «не было никакого учебного заведения», соответствующего их статусу³⁵. Вот об этой группе учеников-мальчиков, которых родители не хотели отдавать в уездное училище, и учениц-девочек, которых по школьному Уставу 1828 года было вообще запрещено принимать в такие училища³⁶, и шла речь в личном дневнике и воспоминаниях Н.И. Второва.

Несмотря на то, что Николая Второва отдали в учение «Ивану Яковлевичу де Маке» (так в русском обиходе называли преподавателя) в девятилетнем возрасте, и он руководствовался детскими воспоминаниями, мемуарист совершенно правильно характеризует это учебное заведение как «не-

что в роде пансиона для мальчиков и девиц»³⁷. В его детском дневнике слово «пансион» нам не встретилось. Действительно свое учебное заведение де Маке, как уже было показано, не смог оформить как настоящий пансион, оно не указывалось в отчетности министерства народного просвещения и Казанского учебного округа о числе казенных училищ и частных школ.

Во время конфронтации с де Маке Барщевский попрекал француза еще тем, что мальчики и девочки у него занимаются вместе³⁸. Этот упрек частично снимался школьным Уставом 1828 года, который позволял совместное обучение детей обоего пола, правда, лишь в тех пансионах, которые устраивались «только для преподавания учения», где воспитанники не жили и не содержались постоянно, а расходились после занятий по домам³⁹. В заведении де Маке же было несколько настоящих пансионеров, поселившихся у него в доме. Однако даже Барщевский во время ссоры признавал, что приходящих учеников было больше, чем живущих у учителя. Кроме того, в воспоминаниях Н.И. Второва и в других документах упоминаются в числе постоянно проживавших у де Маке воспитанников только девочки.

В пансионы с совместным обучением детей обоего пола по школьному Уставу запрещалось принимать девочек старше 11 лет. Это мало затрудняло работу пансиона де Маке, рассчитанного на получение начального образования, следовательно, и на детей исключительно младшего возраста.

«Поступление к де Маке составляет почти эпоху в моем детстве», – писал Н.И. Второв. В этом заведении он «пробыл около двух с половиною лет», а именно с начала 1828 до конца июня 1730 гг. По его воспоминаниям, здесь училось около 10 мальчиков и столько же девочек. Несколько одноклассниц он упомянул по фамилиям, перечислив в частности двух дочерей самого де Маке и трех сестер Неплюевых⁴⁰.

Количество девиц Неплюевых во многом объясняет то старание, какое их мать прилагала для сохранения этого пансиона. Что же касается самого де Маке, то у него самого была большая семья. Он с женой воспитывали двух сыновей и шестерых дочерей⁴¹.

Н.И. Второв подтверждает привлечение на работу в пансион учителей уездного училища: «Андрей Иванов[ич] Иванов и Василий Онуфр[иевич] Барщевский, учили нас Закону Божию, русской грамматике, арифметике, географии и истории». При этом Н.И. Второв считал, что «преподавание в пансионе было не совсем искусно: заставляли нас больше учить наизусть и мало заинтересовывали преподаваемыми предметами». Жена де Маке, которую мальчик называл Настасьей Ивановной, «обучала рисованию, а иногда заступала место мужа в преподавании французского языка, но более занималась повторением пройденных уроков». Все же главным предметом оставался французский язык, который преподавал сам де Маке и на котором ребенок «стал говорить довольно свободно». Н.И. Второв писал, оценивая методы стимулирования детей к изучению языка: «Французский язык шел особенно успешно потому, что за нами строго наблюдали, чтобы мы говорили не иначе, как по-французски. За каждое русское слово, которое

вырывалось нечаянно у кого-нибудь, давался, так называемый сигном, деревянный кружок, лишавший права обеда того, кто с ним сядет за стол. Учреждение это имело двойную пользу: одну для нас, потому что побуждало нас говорить по-французски, другую для содержателя пансиона, потому что сохраняло в экономии одну порцию от обеда»⁴².

«Экономия» обеденных порций случалась не только за счет носителя сигнома. Так, Н.И. Второв остался 30 апреля 1829 г. «без обеда за то, что вчера не знал урока». В тот же день он понес еще одно наказание, применявшееся в пансионе: «Нынче поутру урок знал нетвердо и был за то на коленях». Впрочем, учебный день был достаточно долог и продолжался в послеобеденное время, того же числа во второй половине дня мальчик «учился хорошо, спряжения делал, писал под диктатуру анализ»⁴³.

Дурной стороной применявшихся в пансионе наказаний Н.И. Второв считал то, что те побуждали детей идти на уловки, дабы этих наказаний избежать: «Само собою разумеется, что никому не хотелось оставаться без обеда, поэтому, когда приближалось к нему время, всякий старался сбыть с своих рук сигном и для того прибегал к разным хитростям, иногда довольно гадким, например, отправлялся подслушивать, не говорит ли кто из товарищей по-русски. Первая хитрость удавалась особенно с девицами. Они в свободное от классов время обыкновенно уходили в особый флигель, где жил сам де Маке с семейством, и там, в своей комнате, когда не было над ними надзора, по большей части беседовали по-русски. Бедный владелец сигнома, потеряв всякую надежду сбыть его между товарищами, отправляется подслушивать под окошко комнаты, занимаемой девицами, и – о радость! – он слышит, что говорят по-русски, опрометью вбегает к ним в комнату и посреди суматохи и визгу, которые возбуждает его появление, бросает сигном в руки к первой попавшейся навстречу и исчезает. Сбывать сигном девицам было всего выгоднее, потому что он после того пропадал обыкновенно на несколько времени: девиц за это не лишали обеда, а они никак не могли сбыть его мальчикам. Уже сам де Маке потом пускал сигном в обращение между мальчиками». Мальчик побойчее и посильнее мог вынудить «промолвиться по-русски» того, кто был не столь расторопен: «При этом первый вышибет у последнего что-нибудь из рук или уколёт булавкой; и если даже последний иногда и ничего не промолвит по-русски, а только вскрикнет от боли «ой!», «ай!», то сигном непременно переходит к нему, с замечанием, что он должен был вскричать по-французски «ah!», а не «ой!»⁴⁴

На самого Н.И. Второва больше воздействовали моральные поощрения или наказания, особенно с учетом реакции на них отца (матери уже не было в живых). Для него особую важность имели записи и оценки в «журнале» – ученическом дневнике. Он радовался похвале и его расстраивали замечания: «После обеда учился по-русски не очень хорошо, и мне это еще тем горестнее, что папинеке покажу неисправный журнал»⁴⁵.

«Журналы» Н.И. Второва представляли собою тетради, листы которых были разлинованы в три столбца («Месяц и число», «Каково учился и чему»,

«Поведение») или в четыре («Месяц, число», «Чему учился», «Худо или хорошо», «Задачи для вытверживания слов»). Оценки не выставлялись в числовой или иной унифицированной форме, не были устойчивы их критерии. В качестве примеров можно привести записи учителей: «из арифметики делал и отвечал хорошо и урок из грамматики знал», «грамматику забыл принести с собою, занимался из оной довольно хорошо, из арифметики еще лучше, писал неаккуратно и без старания», «из грамматики хорошо, из арифметики не решил задачи, в чистописании был не исправен», «из Катихизиса урок знал, из арифметики отвечал мало, говоря: Я этого не учил», «выучил урок, читал, писал по-русски и по-французски и делал арифметику» и т.п. Оценки за поведение были, как правило, краткими: «тихо», «пристойно», «мирно», «нескромно», «смеялся», «шалил», «дурачился»⁴⁶.

Несмотря на отдельные проявления строгости, нравы в пансионе и отношения учеников с учителями, особенно с де Маке, были довольно патриархальные. Так, 9 июня 1830 г. учеба продлилась недолго, так как у де Маке «случился ревматизм во всем теле», а потому пришлось тереть «ему места, где был ревматизм, щеткой и рукой» Н.И. Второву вдвоем с Н.В. Племянниковым, хотя между этими мальчиками, видимо, случилась какая-то размолвка. Незадолго до этого случая Н.И. Второв записал, что поехал (его всегда отвозил в пансион и привозил домой кучер из дворовых людей) учиться в пансион «с радостью», однако увидев, «что там Николенька Племянников», он «перестал радоваться, ибо без него гораздо было лучше». Учитель поправился не сразу. В дневниковой записи от 11 июня говорится: «Ноньче я хорошо учился, хотя это учение мало похоже на учение, ибо я провел весь день у постели больного учителя, обмахивая его полотенцем от мух, стирая пот с лица, учил урок, а после обеда урок к русскому классу не твердо сказал по причине малого досуга, хотя прилежно учился»⁴⁷.

Тем временем приближался последний экзамен в пансионе для Н.И. Второва и некоторых его соучеников, который состоялся в субботу 28 июня 1830 г. Накануне экзамена, закончив свои занятия, он, судя по всему, помирился со своим приятелем Племянниковым: «Вечером качался на доске с Николенькой, думая о завтрашнем дне и ожидая свою лошадь. Когда она приехала, я поехал домой»⁴⁸.

Обучение Н.И. Второв закончил с похвалой, что было официально засвидетельствовано: «Мне подписали в журнале, что я очень хорошо учился. Я очень рад, что могу по возвращении папиньки с Серных вод показать хороший аттестат»⁴⁹. С сентября мальчик, которому исполнилось 11 лет, уже учился в Казанской гимназии.

Есть сведения, что и другие воспитанники де Маке поступили в гимназии как Казани, так и других городов, в частности Симбирска и Петербурга. Выбор того или иного города для продолжения учебы зависел от материального положения родителей, наличия родственных, дружеских и иных связей.

Отъезд Н.И. Второва из Самары лишил нас возможности проследить дальнейшую судьбу пансиона де Маке. Это учебное заведение, естественно, исчезает со страниц его дневника, а делопроизводственные или иные документы, упоминающие о существовании пансиона после 1830 года, не

найжены или не существуют. Возможно, что в прекращении его деятельности свою роль сыграла катастрофическая для Самары первая холерная эпидемия, разразившаяся в тот год, но это пока остается только догадкой.

В любом случае рассмотренный здесь эпизод из истории народного образования в нашем крае подтверждает общее правило, что частные школы в уездной Самаре до придания городу губернского статуса в 1851 г. работали не очень успешно. Они так и не стали постоянно действующими или долговременными учебными заведениями. Такие пансионы, которые «действовали недолго (год-два или три) и закрывались по личным обстоятельствам их основателей», были обычным явлением в Казанском и других учебных округах⁵⁰. Отсюда проистекает скорое и практически полное забвение их существования, проявившееся в работах П.В. Алабина и других краеведов.

Следует признать, что первые попытки удовлетворить в частных учебных заведениях потребности в образовании сыновей и дочерей дворян, чиновников, состоятельных горожан уездной Самары и вправду были не совсем удачными. Однако это вовсе не означает, что такие заведения не сыграли никакой роли в развитии просвещения в нашем городе и что нельзя разыскать имен, биографических данных и иных сведений о людях, их заводивших, в них работавших, в их стенах учившихся. Изучение истории открытия и деятельности пансиона господина де Маке являет пример тому, что поиск материалов о подобных ему учреждениях, существовавших в Самаре в первой половине XIX века, может быть плодотворным и интересным по своим результатам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. Самара, 1992. С.59.

² Артамонова Л.М. К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. № 1; Ее же. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. № 1.

³ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. С.60.

⁴ Алабин П.В. Самара: 1586-1886 гг. С.99.

⁵ Русский архив. 1877. № 6. С.136-142.

⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.1.

⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.1об.

⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.2.

⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.2об.

¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.3.

¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.3об.

¹² НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.5.

¹³ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.5об.

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.1.

¹⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.7.

¹⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.4.

¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.8.

- ¹⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.18.
- ¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15.
- ²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.6.
- ²¹ Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе и попечитель М.Л. Магницкий // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1 (41). С.64-66.
- ²² НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.13.
- ²³ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.13об.
- ²⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.14об.
- ²⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15об.
- ²⁶ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.16об.-17.
- ²⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.17.
- ²⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.16.
- ²⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2.
- ³⁰ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2об., 10об.
- ³¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д.2340. Л.1-3.
- ³² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.3234а. Л.11об.
- ³³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.10об.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.49 и об.
- ³⁵ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов. Самара, 2000. С.305.
- ³⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т.3. № 2501. С.1104.
- ³⁷ Самарское Поволжье. С.307.
- ³⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. УК. Д.1037. Л.15.
- ³⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т.3. № 2501. С.1125.
- ⁴⁰ Самарское Поволжье. С.307.
- ⁴¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д.2525. Л.2.
- ⁴² Самарское Поволжье. С.307.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.37.
- ⁴⁴ Самарское Поволжье. С.308.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.48.
- ⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л.1-3, 4об., 6, 15, 29об.
- ⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.47-48.
- ⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.48об.
- ⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 81. Л.47об.
- ⁵⁰ Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе. С.67.